

ГЛАВА 1

— Вон она! — Журналист Жак Шарбонно поправил берет на голове, сдвинув его на одну бровь, и плотоядно улыбнулся, как охотник, выследивший дичь.

Невысокая женщина, одетая неброско, но чисто по-европейски, шла к выходу с рынка. Здесь, в районе Азади, можно было купить очень недорого любые местные овощи и фрукты, приправы, мясо птицы.

— А кто она такая? — с сомнением спросил второй журналист, Арман Жобен. — Я в Тегеране всего неделю, но успел заметить, что в столице много европейцев. Она служанка чья-нибудь?

Они стояли возле кофейни и разглядывали стройную женщину лет тридцати пяти. Она не спеша шла вдоль прилавков с небольшой корзинкой, прикрытой платком. Жобен сдвинул шляпу на затылок и достал из пачки сигарету. Они стояли рядом, такие непохожие — два французских журналиста, работавшие в эти напряженные

дни в Тегеране. Невысокий, плотный, темноволосый Шарбонно слыл неисправимым донжуаном, не пропуская ни одной юбки. Его быстрые карие глаза сводили с ума женщин всюду, где приходилось работать журналисту. Высокий, стройный и рассудительный Жобен не одобрял выходки своего давнего друга. Его на юге Франции ждали жена и две дочери, к которым он питал удивительную нежность, и другие женщины молодого журналиста не интересовали. И сейчас желание Шарбонно соблазнить незнакомку вызывало у Жобена только грустную улыбку.

— Ты неисправим, — покачал Жобен головой. — У нас с тобой есть прекрасный шанс встретиться с представителем американского посольства и получить отличный материал для наших изданий, а ты отвлекаешься на такие глупости. Сейчас вся иранская столица гудит в преддверии конференции глав стран — участниц антигитлеровской коалиции, а ты о женщинах думаешь.

— Арман, на свете есть множество мужчин, которые думают о женщинах всегда, в любой ситуации! — засмеялся Шарбонно. — Их называют жизнелюбами. А ты просто скучный прагматик.

— Ох, Жак, не искал бы ты себе приключений...

— В них вся моя жизнь, — заверил друга журналист. — Ну, я пошел! Увидимся вечером в баре у Джозефа!

Арман Жобен только покачал головой и двинулся в сторону гостиницы.

Жак, лихо заломив берет, поспешил за женщиной, скрывшейся в узкой тегеранской улочке. Он догнал ее через пару минут и замедлил шаг, залюбовавшись фигурой европейки. Интересно, размышлял журналист, она англичанка или американка? Точно не француженка. Впрочем, это и неважно. Но какая фигура, какая талия, какая изящная походка и поворот головы! «Мадам, — мысленно произнес француз, — я без ума от вас! Клянусь своим бойким журналистским пером, я уложу вас в постель уже на этой неделе!» И он прибавил шагу. Догнав женщину, Шарбонно снова замедлил свое стремительное движение, стараясь восстановить чересчур взволнованное дыхание, которое могло выдать его истинные намерения.

В какой-то момент он догадался, что женщина слышит его шаги и даже увидела его отражение в стеклянной витрине магазина на повороте улицы. Поправив волосы под элегантной красной шапочкой, она вдруг свернула между домами в узкий переулок. Журналист не успел

сообразить, что здесь европейской женщине делать нечего, но смело шагнул следом. Женщина стояла у стены к нему спиной. «Она что, скрывает от меня лицо?» — удивился журналист. И тут же почувствовал за спиной движение. Он резко обернулся, но тут же на его голову обрушился удар, от которого из глаз брызнули искры. Шарбонно успел заметить мужское смуглое лицо, но, не разглядев его черт, француз провалился в темноту.

Он не видел, как женщина подошла к его распростертому на пыльных камнях телу, пнула ногой, а потом сказала кому-то на чистом английском: «Жди меня у машины».

Когда стемнело, группа собралась в личном вагоне Берии, в той части, которая являлась «кабинетом» всемогущего наркома. Шелестов сидел на крайнем стуле, ожидая появления шефа, и размышлял о том, что предстоит ему и его товарищам.

Их вызвали неожиданно и объявили о привлечении к операции. Платов, всегда очень старательно относившийся к вопросам подготовки группы и максимальному информированию, в этот раз больше молчал, лишь осведомился о физическом состоянии и душевном настрое

оперативников. Возвращаться на базу он запретил, объяснив это необходимостью соблюдать максимальную секретность.

В результате группа провела время до вечера в одной из комнат на Лубянке, до холодка в спине похожей на допросную. Там установили раскладушки, и Платов велел всем отоспаться, насколько это возможно. Но, конечно, никому не спалось. Хотелось поговорить, посоветоваться, узнать мнение товарищей, но каждый понимал, что болтать и рассуждать в этих стенах не стоит. Поэтому оперативники лежали, глядя в потолок и думая каждый о своем.

«Если никаких вводных не поступит, значит, действовать придется на территории Советского Союза», — размышлял Шелестов. Любая операция за его пределами, за линией фронта, всегда требовала тщательной подготовки. Бывали, правда, исключения, когда группу бросали в неизвестность в силу сложившихся крайних обстоятельств. Но сейчас, как чувствовал Шелестов, Платов знал заранее о планируемой операции, но не счел нужным подготовить своих оперативников. Почему?

Когда машина въехала на грузовой двор пассажирской железнодорожной станции и из нее в слабом свете уличного освещения вышли опе-

ративники, они увидели Платова. Комиссар госбезопасности стоял возле своей машины. Он подошел к оперативникам и коротко бросил:

— Быстро за мной!

Когда группа двинулась за ним к платформам, комиссар госбезопасности торопливо вполголоса продолжил говорить:

— Шелестов, идите рядом и слушайте. Вы сядете в поезд. У вас будет отдельное купе в вагоне охраны. Ни с кем в разговоры не вступать. Когда будет нужно, вас вызовет в свой вагон Берия. Он проинструктирует вас. Точнее, объяснит вашу задачу. Действовать придется самостоятельно, опираясь на свой опыт и интуицию. Даже Берия не все может знать и предполагать. Помните, что вам придется верить только друг другу и никому больше. С оперативниками нашей разведки вам почти не придется контактировать. Такова идея Лаврентия Павловича.

Шелестов слушал хмуро, стараясь не отставать от шефа. Идеальных условий, конечно, не бывает, но вот так ехать, не только не зная сути задания, но даже не имея представления, куда ты едешь, — это уже слишком. «Значит, на то есть свои причины», — пытался успокоить сам себя Максим Андреевич. Но спокойнее от этого на душе почему-то не становилось.

— Что случилось? — задал Шелестов только один вопрос, когда они остановились на запасном пути, где стоял неприметный поезд.

— Пока ничего, Максим Андреевич, — стиснув зубы, медленно процедил Платов. — И не должно случиться. Ничего. Это ваша основная задача. Удачи вам.

Поочередно пожав руку каждому оперативнику, комиссар госбезопасности проводил группу взглядом, наблюдая, как люди садятся в вагон. Платов и сам был недоволен тем, что отправляет своих подчиненных без подготовки, без информации, без четкого плана и без связи. Да, с сегодняшнего вечера он начнет готовить для группы все, что нужно: и информацию, и связь с агентурой. Но передать все это он сможет лишь после личного разрешения Бериин. А что сейчас на уме у наркома, Платов не знал, хотя какая-то логика во всем происходящем была. Правда, Лаврентий Павлович не поделился своими умозаключениями даже с Платовым. Значит, не время. Значит, эта информация сейчас, на начальном этапе, может только навредить. «Ладно, подождем. Пока что надо работать», — решил Платов и решительным шагом двинулся назад к машине.

— В контору, — коротко приказал он водителю.

Поддернув брюки, Юджин Смолл присел на корточки и заглянул в яму. Увиденное заставило его присвистнуть и сдвинуть шляпу на затылок.

Невысокий, темноволосый, он не бросался в глаза в иранской провинции, даже несмотря на то что носил вполне европейские костюм и шляпу. Но в Иране в 1943 году было много европейцев: и журналистов, и инженеров, и еще много разной братии, которая прибывала по приглашению иранского шаха и с разрешения оккупационных властей, чтобы помогать стране развиваться. И не только помогать, но и наблюдать за этим, держать руку на пульсе.

Так делал и Юджин Смолл, числившийся портовым инженером в Бушире. Еще в конце 30-х молодой оперативник ФБР Смолл из Южной Дакоты подавал большие надежды. Он взбирался все выше по карьерной лестнице, многие считали его славным малым и толковым контрразведчиком.

Особенно после памятного решения президента о санкционировании деятельности ФБР и в сфере политического сыска, и в сфере контрразведки. Война в Европе назревала, и большой вооруженный конфликт казался неизбежным уже не только политикам, но и большинству простых обывателей. С восточного Тихоокеанского регио-

на тоже напоздали тучи. В итоге в июне 1939 года президент Рузвельт издал директиву, в которой разделил контрразведывательные и разведывательные полномочия между федеральными ведомствами. В ведение ФБР попало все Западное полушарие за исключением зоны Панамского канала, на военно-морское ведомство была возложена ответственность за Тихоокеанский регион, а американское военное ведомство стало отвечать за европейский и африканский регионы и зону Панамского канала. На Гавайских островах право действовать получили все разведывательные органы, поскольку в этом районе особую активность проявляла Япония.

В 39-м году Смолл попал в разведку. Однако работа в Латинской Америке не прошла для молодого специалиста даром. Дело в том, что, помимо обозначенных в директиве Рузвельта ведомств, традиционно разведывательной деятельностью занимался еще и Государственный департамент. Более того, как внешнеполитическое ведомство США он претендовал на ведущую и координирующую роль в сфере внешней разведки. К сентябрю 1939 года противоречия между Госдепартаментом и ФБР достигли своего пика. Перед руководством Штатов встал вопрос о том, кто будет координировать разведывательную

и контрразведывательную деятельность. Президент разрешил спор в пользу ФБР.

Так, менее чем через год, Смолл попал в центральный аппарат ФБР как один из ведущих специалистов по агентурной работе. Связи и несколько удачно проведенных операций вынудили руководство перенацелить Смолла на Азию. Тем более что после июльской трагедии 1942 года в Перл-Харборе возможности военной и военно-морской разведок расценивались правительством как недостаточные.

Вскоре в составе незадолго до этих событий учрежденного Комитета начальников штабов было создано новое разведывательное ведомство, получившее название Управление стратегических служб. Через месяц Юджин Смолл стал сотрудником этого ведомства. Вопрос о составе группы специалистов управления, направляемых в Иран накануне визита туда президента, много споров не вызвал. В нее вошел и майор Юджин Смолл.

— Что это, Картрайт? — спросил Смолл своего помощника, кивнув на яму, в которой морпехи уже откидывали брезент, раскрывая содержимое тайника.

— Это снаряды, — пожал плечами помощник. — Насколько я понимаю, от орудий очень большого калибра.

— Именно, — хмыкнул майор. — Здесь, в этой дыре, в ста милях от побережья и ближайшего эсминца. Калибр этих игрушек более двухсот миллиметров, Картрайт. Это морские орудия. Гранаты и пулеметные ленты тут тоже неслучайны. Единственное цивилизованное место, для которого такой склад уместен, — трасса от побережья на север в сторону советской границы.

— Вы думаете, что это склад для подготовки диверсии на трассе ленд-лиза? Кто-то хочет подорвать караван с военными грузами для русских парней?

— Нет, это для того, чтобы рыбу глушить! — недовольно буркнул Смолл. — В одном из несуществующих в этой местности озер глушить несуществующую рыбу. Есть такой способ добычи пропитания, если вы не знали. Вот что: выставьте охрану и прочешите местность вокруг. Если обнаружите какого-нибудь заблудившегося пастуха или крестьянина, который не туда заехал на своей арбе, задержите и доставляйте быстро ко мне на допрос. Я пришлю машину. Погрузку осуществлять очень осторожно и только в ночное время. Здесь все оставить в таком виде, как мы с вами и застали. Устроить засаду. Кто-то же должен явиться за этими игрушками...

— А если нас заметили? Если кто-нибудь за нами наблюдает? Тогда никто, конечно, не придет.

— Умное замечание. И самое умное слово — «если». Никаких «если»! Необходимо отработать все, что успеем. Я подключу агентуру и наведу справки у местных. Они могли видеть чужаков, а тем более — чужаков с вместительным транспортом. Это ниточка, Картрайт, и ее нужно размотать осторожно и быстро. Это наша с вами работа.

Берия открыл дверь и негромко приказал: «Заходите». Группа вошла в ту часть вагона, где располагался кабинет наркома.

Несмотря на то что все окна литерного поезда № 501 были затемнены специальными шторами, Шелестов смог определить, что поезд идет на юг, к Закавказью. Что это могло означать, он не знал. Не хватало информации для того, чтобы сделать хоть какие-то предположения. Впрочем, сейчас все станет ясно.

Группа выстроилась справа от своего командира. Все были в армейской форме, смотрели спокойно, выжидающе. Лаврентий Павлович прошелся по кабинету, чуть наклонив голову, будто прислушиваясь к перестуку вагонных ко-

лес, затем остановился и кивнул на ряд стульев у стены.

— Садитесь. Разговор не будет коротким.

Оперативники переглянулись и начали рассаживаться.

Обычно Берия был более многословен, блистал рассудительностью, был склонен к использованию метафор, сравнений, стремился продемонстрировать свою точку зрения и образ мыслей. Но сейчас он замолкал после коротких брошенных фраз, будто погружался в глубокие раздумья и искал слова, чтобы выразиться точнее. Может, он еще не принял окончательного решения? Бывало и такое. Редко, но бывало. И нельзя сказать, что в такие минуты Берия шел на поводу у ситуации. Нет, нарком всегда стремился подмять ситуацию под себя, под свое мышление, перехватить инициативу.

— Вот что, товарищи. — Стекла очков Берии тревожно блеснули в неярком свете бра. — Дело, которое нам с вами предстоит, важное, очень важное. Я бы даже сказал, мы с вами находимся в центре исторического момента. И от нашей работы, от выполнения нами задачи, зависит история. История не только нашей страны, история Европы, но и история всей цивилизации.

Шелестов вдруг с неудовольствием подумал, что Сосновский сейчас удивленно присвистнет. Но оперативники молчали, не понимая, куда клонит нарком. Что за притча?

Берия правильно понял напряженное молчание группы. На миг в его глазах мелькнуло удовлетворение. Он сумел вызвать тревогу, дать почувствовать оперативникам всю сложность и необычайность ситуации.

— Да, я не шучу, — резко бросил Берия и откинулся на спинку своего рабочего кресла. — Момент действительно исторический — и по важности предполагаемых результатов, и по важности последствий, если все сорвется. Скоро в Тегеране состоится встреча глав государств антигитлеровской коалиции. Да, да! В столице Ирана товарищ Сталин проведет встречу с президентом США Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Черчиллем. Важность этих переговоров невозможно переоценить, как невозможно переоценить и горячее желание Гитлера сорвать переговоры и воспользоваться тем, что лидеры стран — его противников окажутся за пределами своих государств, выйдут из-под прикрытия орудий линколов, авианосцев, армад истребителей и миллионов штыков армии. Попытки покушения неизбежны, надеюсь, вы это прекрасно понимаете.

— Да, мы понимаем это, Лаврентий Павлович, — ответил за всех Шелестов. — Это логично и предсказуемо. Немцы в лепешку расшибутся, чтобы или сорвать переговоры, или физически уничтожить глав государств. Антигитлеровская коалиция сильна, три страны в состоянии подняться и повести на борьбу с нацизмом всю Европу. Сейчас не конец тридцатых и не сорок первый год, когда все было непонятно и когда многие главы государств еще испытывали какие-то иллюзии по поводу нацистской Германии. Видимо, нам придется противостоять германской разведке?

— Да, вы правы, Шелестов, — странно усмехнулся Берия. — Наша задача, задача советской разведки вообще и задача вашей группы в частности, конечно же, сводится к противоборству с германской разведкой. Защита лидеров трех стран от покушения, предотвращение любых попыток нападения или срыва переговоров. Но это узкая задача, товарищ Шелестов.

— Узкая? — опешил Максим Андреевич. — Извините, товарищ нарком, я не совсем понимаю. Куда же шире?

— Шире в том смысле, что противостоять вам придется не только германской разведке, а любой, какая предпримет попытку срыва пе-

реговоров или нападения на глав государств-участников и лично товарища Сталина.

— Значит, не все друзья, — в тишине раздался голос Сосновского.

— Там, в Тегеране, во время подготовки конференции и во время ее проведения верить нельзя никому! — отрезал Берия.

— Даже союзникам? — удивился Коган.

— У нас нет союзников в прямом смысле этого слова, — зло бросил нарком. — У нас временные попутчики, которым сейчас удобно стоять на подножке нашего локомотива. И они могут соскочить с нее в любой момент, как только им будет это выгодно. Откройте глаза, вы же не дети, вы советские чекисты! Что за блажь и фантазии! Советский Союз для капиталистов по-прежнему враг, ненавистный враг. Гитлеровская Германия пока для них страшнее, с ней надо покончить, но по пути надо не упустить возможности максимально ослабить СССР, измотать его в этой войне. О том, что будет после войны, речь на Тегеранской конференции и пойдет.

— Но ведь товарищ Сталин осведомлен о тайных помыслах своих «союзников»? — спросил Шелестов. — Он понимает, насколько опасно приезжать туда?

— То, что может сделать товарищ Сталин, никто другой за него не сделает, — покачал головой Берия. — Такова участь главы государства. Свести риск к минимуму — наша задача. Я вам больше скажу — никто из «большой тройки» не испытывает особых иллюзий. Каждая сторона попытается выторговать как можно больше пользы для себя, а «союзникам» оставить поменьше. Не верьте улыбкам лидеров и дипломатов. «Союзники», была бы их воля, вцепились бы нам в глотку в прямом и переносном смысле прямо сейчас. Но им надо нашими руками уничтожить Гитлера, потому что с фашистской Германией, кроме Советского Союза, не справится никто. Любая война — это прежде всего война ресурсов. Неограниченные ресурсы есть только у нас. И нас хотят заставить эти ресурсы потратить на Германию и оставить на послевоенном европейском поле голыми и беззащитными. И навязать нам свою волю, растащить нас на куски, забрать наши ресурсы, на которые Запад давно точит зуб.

— Значит, мы одни в этой борьбе? — покачал головой Коган. — Один на один со всем миром?

— Не одни. Есть еще порядочные и умные люди на белом свете, — криво усмехнулся Берия. — Те, кто находится под пятой жадного капиталистического Запада. Мы знаем, кто хо-

чет протянуть Советскому Союзу руку дружбы. И мы с этими будущими союзниками работаем. А нынешние... Сенатор от партии республиканцев господин Тафт прямо заявил, что победа коммунизма будет более опасна для США, нежели победа нацизма. А представитель демократов Гарри Трумэн высказался публично и без стеснения: «Пусть они убивают друг друга как можно больше». Да и премьеру Великобритании Черчиллю ненавистна сама мысль о возможности существования сильного Советского государства, тем более — социалистического.

— Понятно, — кивнул Шелестов. — Спирной, значит, поворачиваться к ним нельзя. Какова наша задача?

— Вы будете работать так же, как и другие наши группы по противодействию немецкой разведке, заниматься поиском агентуры и диверсантов. Но только вы облечены доверием активно реагировать, если вам попадет информация о враждебных помыслах, намерениях и действиях союзников по коалиции.

— Вы считаете, что возможна открытая вражда? — удивился Буторин.

— Открытая — вряд ли. Но западная политика — это многовековой опыт таскания каштанов из огня чужими руками.

Всю охрану посольства сменили за пятнадцать минут. Дежурившая ночью смена была разведена по отдельным комнатам для опроса. Очередная смена, выставленная на час раньше, проинструктирована самым жестким образом. Начальник охраны посольства США в Тегеране Маркус Такер отличался выдержкой и уравновешенным характером, но сейчас выглядел весьма озабоченным. Приезда президента ожидали буквально со дня на день. Точной даты сотрудникам посольства, а тем более охране никто пока не сообщал. Весь персонал был в эти дни, что называется, на нервах.

А тут еще и несанкционированное проникновение на территорию неустановленного незнакомца.

Небольшая дверь в каменном заборе была открыта. Ею пользовался обслуживающий персонал из местных, которых хорошо знала охрана и на счет которых имела распоряжение. В назначенное время кто-нибудь из охраны подходил к этой двери и впускал или выпускал служащего посольства — разумеется, после личного осмотра.

Сейчас дверь была не заперта. Более того, на рыхлой земле среди аккуратно подстриженного кустарника виднелись следы ног. Над следа-

ми склонился заместитель Маркуса — невысокий русоволосый, румянощекий мужчина.

— Что у тебя, Хигс?

Маркус поморщился, увидев, что следы ведут к окнам второго особняка посольства, где располагались хозяйственные и вспомогательные службы.

— Гиве¹, — пожал плечами Хигс. — Это местный. Иранец или человек, который специально надел местную обувь.

— Ты уверен? — Маркус присел рядом.

— Нет, не уверен, шеф. — Хигс покачал головой. — Дорожка следов слишком коротка. Возможно, что это европеец, который долго носил такую обувь и привык к ней. Смотрите, вот здесь и здесь шаг с пятки, как будто человек привык ходить в туфлях на каблучке. В местной обуви так не ходят, в ней сразу плотно ставят ногу на землю. Но до конца точно сказать все же трудно.

— Черт, где садовник? Мустафа!

Маркус поднялся на ноги и стал озираться со злым лицом.

---

¹ Традиционная иранская обувь, состоящая из вязаного верха и матерчатой подошвы. Крепость подошве придает специальная старинная технология изготовления. Ее делают из свернутых и спрессованных льняных полос, вымоченных в растворе драгакантовой камеди. Иногда подошвы изготавливаются из кожи.

Подбежавший охранник сказал, что Мустафы на территории посольства нет. Он пришел в девять вечера поливать цветники, и ему открыли дверь, как обычно. Но цветы не политы, а Мустафы нигде нет.

Выдержка, которой так славился Такер, улетучилась. Безопасность любого объекта — дело сложное и довольно нервное. Но когда ты отвечаешь за здание, в котором должен остановиться президент твоей страны, невольно занервничаешь. Тем более если в мире идет такая большая и тяжелая война.

Снова и снова сотрудники охраны проверяли все помещения, начиная с гаража, к которому, предположительно, вела цепочка следов. Прошло еще около трех часов поисков, когда к Такеру подошел его заместитель.

— Никого нет, шеф.

— Получается, кто-то проник на территорию посольства и не оставил никаких следов, кроме отпечатков подошв своей обуви на газоне? Да-стин, кому и зачем это могло понадобиться? Или его спугнули и он не успел ничего сделать?

— Похоже на то, — ответил Хигс. — Но если его спугнули, должны были остаться следы панического покидания территории. Да и кто-нибудь из охранников должен был его заметить. А если

никто не видел человека, тот мог совершить все, ради чего сюда проник.

— Заложить мину, например, — непросто. Она заметна, а времени у незнакомца на сокрытие своих действий не было. Заряд должен быть большим. Если это подготовка покушения на президента, он должен был попасть в кабинет Рузвельта или в спальню. Черт, да хоть в туалет.

— В дом не входили — окна закрыты, двери контролируются, — подтвердил помощник. — Я отправил людей на поиски Мустафы. Дома его нет, соседи ни вчера, ни сегодня его не видели.

— Слишком подозрительно, что пропал садовник. Пусть наши парни разберутся в его связях. Внуки, друзья, булочник, у которого он постоянно покупает хлеб, сапожник, который чинит его обувь... Ты понимаешь меня?

— Да, шеф, я уже распорядился, — кивнул Хигс. — Но мы не уверены, что незнакомца впустил именно садовник.

— Со дня на день прибудет президент, — отрезал Такер. — Мы должны быть уверены во всем. И в том, кто пропустил незнакомца, и в его целях, и в последствиях, и в отсутствии опасности.

— Слушаюсь, шеф, — кивнул помощник. — С вашего позволения, я хотел бы уведомить со-

юзников о происшествии. Мы договаривались об обмене информацией, в том числе и оперативной. Мы должны сообщить об опасности в британское и советское посольства.

— Думаю, руководство уже доложило президенту. Я свяжусь с нашими коллегами. Полагаю, будет даже лучше, если мы поговорим лично, а не по телефону. Верить в этой стране нельзя никому, в том числе и телефонной связи.

Берия не вызвал Шелестова к себе, а велел ему выйти в парк и теперь ждал оперативника на одной из аллей. Максим сразу понял, что произошло нечто значительное и неприятное. Скулы наркома шевелились, а глаза смотрели на мир с недобрым настороженным прищуром. Увидев Шелестова, Берия сделал ему знак подойти. Заложив руки за спину, Лаврентий Павлович неторопливо двинулся по дорожке.

Помолчав с минуту, он наконец заговорил:

— Есть первый и крайне неприятный звонок для нас всех. В посольстве США сегодня зафиксировали несанкционированное проникновение на территорию.

— Как так? — удивился Шелестов, прекрасно зная, как тщательно и серьезно охраняется территория посольства советского. —

Как это могло произойти? Они там спали, что ли?

— Я договорился, что вы приедете и вас посвятят во все подробности произошедшего, — пропустив мимо ушей удивленные замечания, заявил Берия. — Главное, Максим Андреевич, вы должны сделать для себя правильные выводы, почему, каким образом и с какой целью на территорию американского посольства проник незнакомец. Я так понял, что следов его деятельности, подготовки покушения или организации прослушивания они не установили.

— Не успел? — сразу предположил Шелестов.

— Вот это вы и выясните. Будем учиться на чужих ошибках, а не на своих. Начальника охраны зовут Маркус Такер. Ранее он работал в каком-то американском разведывательном ведомстве, но не думаю, что этот человек в прошлом был матерым разведчиком — так, пятое колесо в телеге. По крайней мере, у нас на него серьезного досье нет. Это и хорошо, и плохо. Но за простачка его тоже не держите. Все-таки охранять такой объект дурачка не поставят.

Посольство США располагалось на красивой окраине Тегерана в районе Эндиреаре. Из центра города Шелестов ехал почти полчаса по узким

улицам, то сбавляя скорость, то совсем останавливаясь. Жизнь в городе не кипела так, как в европейских или других азиатских столицах. Да и, положив руку на сердце, надо признать, что иранская столица выглядела бедно. Ближе к окраине машин стало заметно меньше, зато появилось много крестьянских повозок и вьючных животных, от ослов до верблюдов. Правил дорожного движения для многих просто не существовало, и Шелестову приходилось пропускать то группу пешеходов, то животных, то повозки. В центре курсировали даже автобусы, но здесь, в этой пыльной зелени окраины, столица выглядела, как обычный азиатский захолустный городок.

Максим посматривал по сторонам. Женщин мало, и те, кого он видел, в большинстве были местными мусульманками, правда, с незакрытым лицом. Мужчины встречались как в национальных рубахах и чалмах, так и одетые в обычные пиджаки, брюки и кепки. Странное, но вполне объяснимое слияние культур и времен.

На его машину посматривали без всякого интереса — здесь привыкли к европейцам и американцам. А вот Шелестова появление еще одной легковой автомашины на улице заинтересовало. Темно-зеленый «Бьюик» вывернул с боковой улицы и двинулся в сторону американского по-

сольства. Шелестов прибавил газу, рассмотрел номер и с удовлетворением констатировал, что это тот самый номер, который ему назвал Берия. Это была машина Маркуса Такера.

Снова какая-то арба с высокими колесами, вихляя расшатанным корпусом, выкатилась на проезжую часть, и Шелестову пришлось остановиться. Он хотел было уже открыть дверь и заорать на иранца, чтобы убирался с дороги, но вовремя передумал. «Зачем? Я в чужой стране со своими особенностями и обычаями. Да и куда мне спешить? Маркус явно едет в посольство — там и поговорим». Арба свернула в переулок, и Максим продолжил путь.

И тут из-за угла, куда свернула машина американца, полыхнуло огнем, и улицу заволокло клубами пыли и сизого дыма. Земля дрогнула под колесами. От неожиданности Шелестов сперва нажал на тормоз, но мысль о том, что это была машина Такера, заставила русского оперативника надавить на педаль акселератора. Черный запыленный «Шевроле Мастер» Шелестова полетел по улице, едва не задевая повозки и столбы и уворачиваясь от шарахающихся в разные стороны пешеходов. Отчаянно давя на клаксон, Шелестов с нетерпением смотрел вправо.

Когда оперативник вылетел на перекресток, он увидел пустынную улицу, лежащий на боку темно-зеленый «Бьюик» и узкую темную дорожку разливающегося бензина, текущую в сторону канавы на краю улицы. Откуда-то выбежали двое полицейских. Рванув ручной тормоз, Шелестов выскочил из машины и бросился к «Бьюику». Такер был внутри. Стекла разбиты, стоял сильный запах бензина. Еще миг, и карбюратор рванет от любой искры. Или, еще того хуже, бензобак.

Почти одновременно Шелестов и двое смуглых иранских полицейских добежали до машины Такера. Вытащить тело можно было только через проем лобового стекла, от которого остались лишь мелкие осколки, торчащие по краям уплотнительной резинки. Не сговариваясь, все трое принялись вытаскивать американца. Такер тихо постанывал, но сейчас некогда было осторожничать. Необходимо было поскорее извлечь его из машины и унести подальше. Нога раненого застряла где-то в районе рычага переключения передач, и Шелестову пришлось самому залезть по пояс в салон. Наконец полицейские, подхватив американца под руки и ноги, потащили его к стене дома напротив. Шелестов побежал следом.

Но тут за его спиной бахнуло так, что он мгновенно оглох с дикой болью в барабанных

перепонках. Брусчатка проезжей части вдруг оказалась перед его лицом, и Максим едва успел подставить руки, чтобы не разбить лицо. Жар пронесся такой, что он испугался, что сейчас загорятся его волосы и одежда. Но вскоре этот жар слетел волной, и Шелестов, подхватив упавшую шляпу, бросился к полицейским.

Когда он подбежал к стене дома, один из иранцев поднял голову и сокрушенно покачал головой. Теперь Шелестов и сам увидел, что Такер мертв, — видимо, сильно повредились внутренние органы. Один из полицейских побежал куда-то, второй начал осматривать тело, проверяя карманы. Он вытащил и развернул паспорт погибшего. Последние сомнения отпали, это действительно был Маркус Такер. Шелестов огляделся по сторонам в поисках телефона. В этом районе найти его не так легко, а у иранцев по причине незнания языка не спросишь.

Представители американского посольства приехали быстро и даже на двух машинах. Шелестов сидел на каких-то ящиках. Его слегка подташнивало, голова гудела. Все-таки взрывной волной его долбануло не так уж и слабо.

Один из американцев спросил по-английски:

— Вы свидетель происшествия? Как это произошло?

— Нет, я не свидетель, — ответил Шелестов и встал на ноги. Собрав все свое знание английского языка, он добавил: — Я русский.

— Что? — Американец уставился на Шелестова красными от недосыпания глазами и потер пунцовые щеки. Затем он перешел на ломаный, но вполне понятный русский язык: — А, да, конечно. Меня зовут Дастин Хигс, я сотрудник посольства США в Тегеране.

— Максим Шелестов, — протянул руку оперативник. — Мистер Хигс, мы можем с вами поговорить более обстоятельно и не на улице? Я ехал к вам в посольство, когда все это произошло. У меня была назначена встреча.

— Разумеется, не здесь, — кивнул американец. — Идемте.

В кабинете, отделанном дубовыми панелями, Хигс предложил Шелестову сесть и задернул шторы. От предложенных кофе и виски русский отказался. Хигс потер глаза ладонями, потряс головой и снова поднял глаза на гостя.

— Так что у вас, мистер Шелестов?

— Я должен был встретиться с Маркусом Такером, — пожал Шелестов плечами, — но трагедия помешала. Что это было? Покушение лично на Такера или террористический

акт в отношении американского гражданина? Или это связано с несанкционированным проникновением на территорию вашего посольства?

Хигс неохотно кивнул:

— Такер перед отъездом говорил, что придет русский офицер, чтобы обсудить обстоятельства и совместные действия. Ну что же, я был заместителем Такера — мне теперь и принимать решения. Да, случилось проникновение, и теперь у нас все в панике. И больше всего паники из-за того, что мы не поняли, куда и зачем проник неизвестный. Он не вор, потому что ничего не пропало. И не диверсант — мы не нашли ничего похожего на подслушивающее устройство, бомбу или что-то такое.

— Возможно, этот человек просто ничего не успел сделать, — предположил Шелестов. — Все-таки серьезная охрана, у него, может быть, просто не было шансов.

— Ладно, слушайте, Макс, давайте без церемоний. Проблема у нас общая, и, я думаю, работать надо тоже вместе. Вы ведь потому и приехали, что хотели узнать о происшествии? Тогда я вам скажу вот что: никакого покушения в нашем посольстве не планировалось. Только демонстративное проникновение, и все.

— Вы шутите? — удивился Шелестов. — Какой смысл в такой демонстрации?

— Не знаю, но, видимо, смысл все же есть. Посудите сами, Макс: незнакомец имел возможность несколько часов находиться на территории посольства. Моменты его проникновения и ухода не зафиксированы. Он проделал все тайно. Я передумал много вариантов причин и целей и никак не приду к какому-то определенному выводу. Хорошо, пусть он решил нас напугать, но дальше что?

— Возможно, это для того, чтобы убедить вашего президента не останавливаться в посольстве, убедить, что охрана или периметр ненадежны. Возможно, ваш президент решит остановиться в советском или британском посольстве. Но опять возникает вопрос: зачем злоумышленнику это нужно? Чтобы совершить покушение одновременно на двух лидеров? Но мы об этом узнали и теперь обязательно усилим охрану и меры безопасности.

— Черт побери, Макс, может, вы и правы.

— А может, и не было никакого злоумышленника, — снова заговорил Шелестов. — Вы не рассматривали такого варианта, что диверсантом был садовник?.. Куда ездил Такер? В британское посольство? Почему его убили?

— Здесь все непросто. — Хигс поднялся, прошелся по комнате, остановился у окна, чуть отодвинул штору и посмотрел на улицу. — Шеф меня не ставил в известность относительно своих планов, не посвящал меня в свои оперативные разработки. Его агентура была только его личной агентурой. Но я думаю, что сегодня Такер ездил на встречу с кем-то из своих местных агентов. Дело в том, что наш садовник, которого мы тоже подозреваем в совершении этого преступления, исчез.

Шелестов и Хигс вышли во двор к задней стене, где располагалась неприметная дверь, через которую, предположительно, на территорию посольства попал посторонний. Здесь, в парковой зоне, кроны деревьев скрывали часть дорожек — удобное место, чтобы избежать внимания возможного наблюдателя. Следы сохранились плохо, но Хигс показал гипсовый слепок, который американцы сделали вчера.

— Местная обувь? — уточнил Шелестов, разглядывая непривычный рисунок отпечатка подошвы. — Вы в Тегеране, я думаю, не первый день. Что можете сказать по поводу отпечатка? Есть сомнения?

— Да, есть, — кивнул американец. — Обувь местная, думаю, что и изготовлена здесь. В Те-

геране много кустарных мастерских. Но вот чья нога оставила след — это для меня вопрос. Люди, привыкшие к такого рода обуви, ставят ногу иначе, нежели европейцы или американцы, привыкшие к обуви с каблуком. Однако у нас нет достаточного количества следов, чтобы сказать наверняка. И этот незнакомец оставил следы по неосторожности, скорее всего, случайно. Но тем не менее подозрения у меня имеются.

— Ваш садовник мог оставить этот след?

— Мустафа? Я его ни разу не видел в национальной одежде и обуви. К нам он приходит в европейской одежде — в обычной брючной паре. И это не потому, что таковы требования посольства. Он всегда так одевается. И ботинки он носит европейские. Кстати, у Мустафы размер ноги заметно меньше, чем у человека, оставившего этот след.

— Слушайте, а насколько вы доверяете садовнику? Мог он впустить врага на территорию? Я имею в виду, заведомого врага, а не просто знакомого, который захотел посмотреть на живых американцев, а потом рассказать об этом детям?

— А кому в этом мире вообще можно доверять на сто процентов? — невесело усмехнулся Хигс.